

ВОДНЫЙ МИР

ВЕРНИСАЖ

Персональные выставки у художника, тем более если он настоящий художник, случаются не чаще чем раз в год. Точь-в-точь как «именины у Кристины». И вот когда уже «стулья расставлены и свечи заправлены в праздничный пирог» (в смысле – картины развешены, экспозиция смонтирована), художнику остается только в нервном ожидании гостей прохаживаться по залам.

А Владимир Литвинов, автор выставки «Жизнь воды», открывшейся в двух залах центра современного искусства «Арс-Форум», вел себя совершенно неадекватно ситуации. Он и не думал нервничать, а, напротив, с детским любопытством рассматривал открытки, раскладывая из них одному ему ведомый пасьянс. На открытках были изображены его собственные картины. На представленных в экспозиции полотнах вода – главное действующее лицо. Ручушки, озера, пруды и сплывающий им, такой близкий сердцу, неброский среднерусский пейзаж. Больших работ – не меньше 50, одних этюдов почти три десятка. И это водное изобилие – не предел. В мастерской художника осталось еще немало не охваченных этой выставкой водных просторов.

Владимир Викторович давно-давно заслужил, чтобы его величали по имени-отчеству. Мало того что он доцент кафед-

ры математического анализа Ярославского государственного университета имени Демидова и кандидат технических наук; мало того что он член Международного художественного фонда и уже на протяжении трех десятилетий бесменный участник областных, межрегиональных, всероссийских выставок – в конце концов просто возрастная планка обязывает. Но так его величать язык не поворачивается, несмотря на то что знакомством накоротке похвастаться с Владимиром Литвиновым я не могу. И вообще, со всем своим детским любопытством, озорно поблескивающими из-под очков глазами, шкиперской бородкой, ароматно попыхивающей в руке трубкой он больше всего напоминает... капитана Врунгеля.

– А можно вас называть просто Володей? – нескромно спросила я.

– Тогда уж (трубка делает очередной пых-пых, окутывая

своего обладателя ароматом дальних стран) и «на ты», – легко соглашается он.

– При виде твоих работ в голове всплывает незамысловатый мотив «вода, вода, кругом вода». Почему вода?

– Да элементарно. Позвонила Татьяна (директор центра Татьяна Кравчук. – Авт.), говорит: «Давай мне воду». Пожалуйста, говорю. Вот и вся интрига.

– И все не так было, – вмешивается Татьяна Витольдовна. – Сначала Володя написал кучу натюрмортов с водой, а уже потом я ему предложила. И вообще это его идея, не моя.

– Вы противоречите друг другу, – констатирую я.

Володя хмыкает, пыхает трубкой и не отступает от своей версии.

– Если уж быть точным, то это не я придумал – писать один и тот же пейзаж в разные времена года, в разном состоянии души и разных природных настроениях. Это еще Левитан придумал, «Стога» его знаменитые помните?

– И до Левитана этот велосипед уже был изобретен, – не сдается Татьяна Витольдовна. – Достаточно вспомнить Клода Моне, его любимые туманы над лилиями...

– Уж если у нас пошел такой разговор, – Володя неумолим, – то вспомним многочисленных Мадонн с младенцами. Почему художники эпохи Возрождения так удачно компоновали свои полотна? Да потому, что сюжетов было – раз-два и обчелся. Вот и оттачивались композиция, цвет, световое решение от картины к картине. И это правильно. А у нас все наоборот. Почему-то современные художники принципиально не ездят на этюды туда, где уже кто-то из знакомых собратьев по творчеству побывал. «Вы там уже все искрасили», – говорит.

– Верно, – неожиданно соглашается Татьяна Кравчук. – К сюжету нельзя относиться как к детективу: заглянуть торопливо на последнюю страницу и подсмотреть, кто же кого убил. Надо перечитывать сюжет, как классическое произведение, – в пятый,

сотый раз – и узнавать, пытаться увидеть новое в старом. И вообще, в литературе это понятие называется «разницей на Шекспира» – один и тот же сюжет каждый художник может изобразить по-своему. Вот у Володи это получается действительно гениально: вешай в ряд несколько полотен с одним и тем же сюжетом (одной речке Туношонке посвящено аж 16 работ) и наслаждайся, а у какого-нибудь Васи Пупкина получится растиражированная мазня по холсту: «подлетай, не списуй, покупай живопись».

Володя Литвинов, взглянув на часы, изумленно пыхнул трубкой в последний раз: «Однако заговорили вы меня... Вернисаж уж пять минут как должен начаться». Поспешил встречать гостей. Татьяна Витольдовна не удержалась от последнего комплимента в адрес виновника торжества.

– Воду писать бесконечно трудно, и мало кто из художников сегодня на это отваживается. Ведь у нее, воды, ничего своего нет: ни цвета, ни вкуса, ни запаха. Даже формы – и той нет. Налей в кувшин, примет форму кувшина, а можешь и в тазик наплескать. Баба в чистом виде эта самая вода. Ну что ты смеешься? Вода – натура вздорная и противоречивая, как женщина, потому так и говорю. А вот Володе удается с ней совладать. Он понимает ее сущность, психологию, строение... Это большая редкость!

– А все слышал! – тоном мальчиша-плохиша заявил Володя Литвинов. – У меня, если серьезно, есть давняя мечта: написать одну воду, без берегов, но так, чтобы и берега чувствовались, и небо отражалось, и дно предугадывалось... Ее писать действительно безумно сложно. Но знали бы вы, как это интересно!

Тут наступило время тронных речей, неизменных на каждом вернисаже, и выставка вступила в свои права – ее наконец официально сочли открытой. А за окном стеной шел дождь, удивительно гармонируя с темой воды на полотнах художника Володи Литвинова.

Лариса ДРАЧ